

ПЕРЕД ТОБОЯ, читатель, чередой прошли образы великих музыкантов прошлого, западноевропейских композиторов XVIII — XIX веков. Мы не прощаемся с миром западной музыки, нас ждут встречи с Шубертом, Вагнером, Берлиозом, музыкантами Тосканини, Галли Курчи, Казальсом. Сегодня же наш взор обращен в глубь истории нашей родины, и первый расказ — о первом великане русской музыки.

Имя ему Глинка. Явление это настолько же огромное, насколько и труднообъяснимое. В своих этюдах я часто, как припев в песне, по-

быть, уже была!) на уровне всего предыдущего опыта.

Но он по-сказочному быстро рос и одарил русскую музыку. «Иваном Сусаниным», «Русланом и Людмилой», Испанскими увертюрами, «Камаринской».

Подобно Баху, Глинка «поспешил» родиться, опередив время. Правда, Глинку при жизни признали многие современники, достойно оценив и его музыку как таковую, и суть его новаторства. Официальный Петербург, высший свет, парская фамилия были настроены против Глинки, их раздражали его исключительность, подлинный патриотизм, его,

Глинка не получил целостного, законченного консерваторского образования (впрочем, он знал крупнейших музыкантов своего времени, многому учился у них, некоторое время совершенствовал свою композиторскую технику у крупного немецкого теоретика З. Дена). Но дело в том, что сам Глинка был первой и уникальной русской консерваторией.

О, если бы общество (не отдельные выдающиеся личности, а общество в целом России того времени) подержало Глинку в его великих подвигах, как он того заслуживал! Нервная и впечатлительная натура его не выдерживала подчас тупости, ханжества и невежества. Из-за этого подолгу молчал Глинка. Из-за этого рад он был бежать из Петербурга куда угодно — в Париж, в Испанию — Мадрид и Севилью, в Варшаву, в Берлин.

Неудачно сложилась и личная жизнь композитора, в результате чего и своего дома-то у него толком и не было: месяцами приходилось жить у друзей. О жене своей Глинка высказывался, прямо скажем, не лестно: «Жена моя принадлежала к числу тех женщин, для которых наряды, балы, экипаж, лошади, лиреи и прочее было все; музыку понимала она плохо, или, лучше сказать, за исключением мелких романсов, вовсе не разумела; все высокое и поэтическое также было ей недоступно. Вот образчик равнодушия М. П. и музыки: когда я начал писать «Жизнь царя», она жаловалась, что я трачу деньги на нотную бумагу». Прибавляя к этому, что по поводу «Сусанина» в «высшем свете» говорили: «кучерская музыка», что на спектакли «Руслана и Людмилы» великий князь (брат царя) Михаил Павлович посылал провинившихся офицеров, легко понять Глинку, сказавшего однажды с горечью любимой сестре Л. И. Шестановой: «Твоего Мишу вспоминай, когда его не будет, а музыку его поймают лет через 100...».

Великий композитор был прав лишь в одном — сейчас его музыка, прекрасная и совершенная, — от ликующей увертюры к «Руслану» до трагической арии Сусанина — служит великому народу.

3. ПЕСИКОВ.

ГЛИНКА

вторил мысль о том, что всякое явление искусства, всякий большой музыкант представляет собою своего рода чудо, загадку, особый мир, управляемый законами, механизм которых чаще всего так и остается полностью не разгаданным.

Среди тех, кто с ликованием и радостным удивлением приветствовал появление Глинки в русской музыке, были большие люди — это соотечественники композитора: Гоголь, Шевченко, Одоевский, Серов, Писемский, Чайковский, Балакирев, Стасов, это и иностранцы — Лист, Берлиоз, Казальс.

Посуди сам, читатель. Мы привыкли к тому, что у каждого великого есть достойный предшественник, что классик Х стал таковым, преодолевая влияние, и, как бы становясь на плечи своему предтече, что живая эта колоннада уходит в глубь веков, теряясь в ретроспективе, и что так было всегда.

Но, говоря о Глинке, надо отдать себе отчет, что в этом смысле он — абсолютный феонон. Мы не позволим себе неуважительно отзывать о Фомине, Фортнянском, об Алябьеве, Ваппамове, Гурилеве, Влукхове, о Верстовском — использовать им за честность и полезность их музыкальных дел. Но это были — один чуть выше, другой чуть ниже — приятные музыканты среднего роста.

И вдруг явился гигант, великан. Явился Глинка. Сам по себе он, конечно, тоже не сразу стал великаном. Из своей великанской музыкальной колыбели он писал такую музыку, которая еще была (а может

если так можно выразиться, русская в музыке.

Глинка совершил нечеловеческий подвиг. Чайковский говорил, что весь русский симфонизм, как дуб из жолудя, вырос из «Камаринской». Но так же точно, русские оперы от «Пиковой дамы» и «Бориса Годунова» до «Семена Котко» и «Кола Брюньона» выросли из «Сусанина», психологические романсы, спрессованные до 2—3 минут, лирические драмы и акварель пейзажных набросков Чайковского, Даргомыжского, Рахманинова Римского-Корсакова — все это также ведет род свой от «Сомнения», «Финского залива», «Ночного смотра» баркарол «Уснули голубые» или «Венецианская ночь».

Балеты Чайковского с их внутренним симфонизмом, приматом музыки немислимы без балетных сцен «Польского акта» в «Сусанине» и «Волшебных садов Наины» в «Руслане». Интернационализму, всегда отличавшему русскую классику, научил всех последующих мастеров только Глинка, создав «Арагонскую хоту» и «Ночь в Мадриде». Кстати, в полной мере оценить русскую народную песню не как пикантную приправу, а как основу, живой нерв музыки, научил тоже Глинка, заявив: «Создаем музыку не мы, создаем ее народ. Мы же, композиторы, только аранжируем ее».

Много нелепостей сказано о лилетантизме Глинки, «барской лени», пристрастия к веселым утехам жизни.

Вулв, читатель, выше сплетен, даже набранных типографским шрифтом.